

ВОСПОМИНАНИЯ О ВИКТОРЕ ИВАНОВИЧЕ СТЕПАНОВЕ

В 1967 г. мы с сыном-школьником увлеклись минералами, ездили по Подмосковию и как-то наткнулись в карьере на большую глыбу магнетита. Отколотый от нее кусочек был показан знакомым геологам, студентам, ни никто не брался объяснить, как магнетит оказался в подмосковном карьере. И наконец, однажды нам вручили бумажку с телефоном: "Покажите ему. Если и он не скажет, тогда уж никто...".

Так состоялось знакомство с Виктором Ивановичем Степановым. Мы скоро стали завсегдатаями подвала старого дома на Новокузнецкой улице, где хранились "несметные степановские сокровища". Мы помогали ему раскладывать бесчисленные образцы, а он между делом рассказывал и рассказывал о минералах. Многим памятен этот душноватый подвал. Здесь Виктор Иванович вел "прием", и это было тогда едва ли не единственное в Москве место, где можно было не только увидеть чудесные, волшебные образцы, но и позволялось потрогать их, подержать в руках — Виктор Иванович хорошо знал, что без этого минералогами не становятся... При всей его громогласности, склонности к максималистским, острым, порой прямо-таки "свирепым" суждениям он обладал необыкновенной притягательной силой. В нем прежде всего чувствовался высокий профессионализм. Подкупала его окрыленность, фанатическая преданность и отдача всего себя любимому делу — минералам он посвящал все дни без остатка, покидая свое место только поздно вечером. В.И. Степанов необыкновенно много знал и многое умел, его объяснения всегда поражали содержательностью и нетривиальностью.

В подвал на Новокузнецкой улице (впоследствии в другие помещения, где он работал) приходило множество разных людей: студенты, любители-коллекционеры, коллеги-минералоги, приезжие со всего Советского Союза, ученые-иностранцы... Одному не терпелось обсудить идею, другому — посоветоваться насчет поездки на месторождение (он знал их, наверное, сотни), третьему (таких среди любителей было больше всего) — определить неизвестные минералы: В.И. Степанов был первоклассным "диагностом". Не помню случая, чтобы он кому-нибудь отказал. Виктор Иванович каким-то неуловимым особым манером брал образец, в ход тут же пускалась всегда болтавшаяся на шее сильная лупа, и начинал с жадностью разглядывать новый образец; через несколько секунд раздавалось его громкое восклицание: видимо, он обнаруживал что-то особенно интересное. Внимательно рассмотрев образец со всех сторон и чуть ли не насквозь, Виктор Иванович возвращал его владельцу с названиями минералов, лаконичным комментарием и инструкцией, как эти минералы проще всего "узнать" и отличить от других. Раз увиденный образец он накрепко запоминал и через годы мог поразить точным его описанием по памяти. Если визитер был любознателен, перед ним один за другим раскрывались ящики коллекции: Виктор Иванович показывал и рассказывал, каким еще бывает данный минерал. Лучшим для него посетителем был тот, кто задавал вопросы и делал замечания, тогда он с большим удовольствием включался в дискуссию. Засиживались допоздна, пока посетителю не надо было уходить, — у хозяина интерес никогда не иссякал.

Получалось так, что тот, кто приходил к В.И. Степанову с небольшим, частным вопросом: что за минерал, откуда образец, — уходил от него человеком любознательным, в приподнятом настроении, унося в душе какую-то искорку и новый настрой

мысли. В рассказах Виктора Ивановича кристаллическая структура становилась "лицом" минерала, а когда он говорил о своих любимых минеральных агрегатах карста, то возникало впечатление мира живых, активных существ... Немудрено, что те, кто часто общался с ним, заражались его страстью к минералогии, его раздумьями о "жизни" минералов, остро чувствовали природную красоту кристалла, друзы. Общение с Виктором Ивановичем вызывало ощущение праздничного пробуждения в мире вещей прекрасных и значительных, вокруг него царила своеобразная атмосфера минералогической идейности, что ли. Сам он неизменно настаивал на строгой приверженности фактам и наблюдениям, цитируя по этому поводу В.И. Вернадского, последователем которого себя считал.

Весной 1968 г., как только стаял снег, мы стали разъезжать по карьерам и обнажениям Подмосковья. Эти поездки были настоящими праздниками, и все мы с нетерпением ждали выходного дня, когда во главе с В.И. Степановым сядем в электричку. Долгий путь до Ступина, Голутвина или Вереи незаметно проходил в разговорах о минералах и в обсуждении маленьких образчиков: каждый захватывал их с собой, не упуская случая показать Виктору Ивановичу и послушать, что он скажет. В этих коротких экскурсиях он брал нас в напарники и учил вещам практическим: как правильно пользоваться молотком и кувалдой, как развалить огромную неприступную глыбу, внутри которой "должно быть то-то и то-то", и, к всеобщему удивлению и восторгу, "то-то" действительно там оказывалось... Все становились участниками поразительных открытий: из трещин извлекались то настоящие известковые сталактиты, то лимонно-желтый никелистый кальцит, а в расколоте "наудачу" кремне оказывались пиролюзит и флюорит, хоть и мелкие, зато "свои", подмосковные. Вот Виктор Иванович разбивает другой кремль и зовет посмотреть, как в небольшой пустотке белоснежный порошок вивианита на глазах синееет — значит, окисляется. Все мы проходили у В.И. Степанова практическую школу — от укладывания рюкзака до непростого искусства выбивания образцов.

Тогда же мы обнаружили под Старой Ситней знаменитые "ступинские" халцедоновые жеоды с псевдосталактитами, ныне украшающие многие музеи и коллекции. Находкой Виктор Иванович был очень воодушевлен, у него появилось множество интереснейших идей, он стремился составить целостную стройную картину рождения и развития этих необыкновенно изящных образований.

Мне, может быть, особенно повезло: добротную степановскую выучку я получил еще начинающим любителем, работая у него коллектором в штольнях, карьерах и карстах Хайдаркана. В таком серьезном "поле" "степановские университеты" значили очень много. Он показывал множество новых для меня минералов и учил, как их "узнавать в лицо"; рассказывал об особенностях кристаллизации минералов в погребях и тут же показывал все на примере большого кальцитового погреба, который мы нашли и четыре дня разбирали по всем правилам... Впоследствии мне еще несколько раз посчастливилось побывать в поле вместе с Виктором Ивановичем, быть свидетелем его незаурядных находок и неутомимой работы на месторождении. Он как-то умел и любил внушить своим примером не только "зависть", но и уверенность, что ты тоже так сумеешь.

Время шло, любители приобретали опыт и разъезжались собственными дорогами. Но всякий раз, вернувшись, хотелось показать ему новые трофеи, услышать его слово. Как дорожили его оценкой! Он охотно откликнулся, не скрывая удовольствия от осмотра коллекции. Приезжал, с особой заинтересованностью оглядывал образцы, показывал, как их отпрепарировать, советовал, как лучше устроить коллекцию. Мог побранить за беспорядок, неряшливость, однообразие и мог, как никто другой, по особенному, по-степановски, похвалить, сказав, например, что-нибудь такое: "За одним-единственным этим образцом стоило ехать в Дашкесан"...

В.И. Степанов лично знал большинство коллекционеров-минералогов в Москве и многих других городах. Без преувеличения можно сказать, что большинство из них он "вылепил" собственными руками, возбудив интерес к минералу как таковому.

его природным формам. Виктору Ивановичу не было чуждо и декоративное искусство обработки камня, он охотно любовался произведениями художников-камнерезов. Но настоящим ценителем, эстетом, в лучшем смысле этого слова, он был в мире минералов. Некоторые частные собрания были ему особенно хорошо знакомы, и, с полным основанием считая себя причастным к их возникновению, он пристально следил за судьбой своих детищ, буквально шефствовал над ними. В.И. Степанов придавал огромное научное и природоохранное значение коллекционерскому делу и не раз говорил, что распространение интереса к коллекционированию минералов свидетельствует о духовном оздоровлении общества.

В.И. Степанов вел среди любителей большую общественную работу. Он неоднократно выступал с лекциями перед московскими любителями камня. Последние годы он был членом руководства крупнейшего в стране объединения любителей, входящего в Московское общество испытателей природы; возглавлял приемочные комиссии ежегодных выставок любителей "Удивительное в камне", через его руки проходили сотни и тысячи образцов, и ни одна важная мелочь не ускользала от его внимания. Для всего этого он располагал всего одним-двумя вечерами, но ему было не привыкать к напряженной работе...

Кипучая натура В.И. Степанова, его сильная и цельная личность оказала огромное влияние на многих из нас. Не верится, что мы больше не увидим этого подвижного крепкого человека, не услышим его бескомпромиссных слов, не испытаем счастья поработать вместе с ним в карьере, посидеть за разговором у лотка с образцами. Трудно поверить, что Учителя больше нет.

Б. З. Кантор